

УДК 34

Демокурия и механизм обеспечения конституционализма в России

Либанова Светлана Эдуардовна, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

libany@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию демокурийной функции институциональной адвокатуры — профессионально-правового правозащитного, экономически не зависимого от государства института гражданского общества, играющего важную и специфическую роль не только в механизме конституционного гарантирования судебной защиты прав и свобод человека (гражданина, индивида, личности) и создания надлежащих условий последовательной реализации задач судопроизводства, но и в механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека, гражданского общества, призванного обеспечить их гарантирование органами системы публичной власти на основе верховенства права, ведущего к конституализации России. **Ключевые слова:** демокурия, механизм обеспечения прав и свобод, профессиональная правозащита, правовая защита, институциональность, конституализация, Россия.

Между законодательно определенным правовым положением личности и практикой его реализации всегда имеется определенный разрыв. Существование такого разрыва не ослабляет значение теории вопроса, дающей

подлинные критерии и ориентиры для законодательной, судебной и иной правоприменительной практики, отвечающей конституционным идеалам и ценностям.

Сворачиваемость демократических инсти-

UDC 34

Democuriya and a mechanism to ensure constitutionalism in Russia

Libanova Svetlana Eduardovna, professor of the department of constitutional law of Ural State Law University, doctor of sciences (law), associate professor

libany@rambler.ru

Annotation: This article is devoted to research of legal function of institutional Bar — professional and legal human rights, economically independent by the civil society playing an important and specific role not only in the mechanism of the constitutional guarantee of judicial protection of the rights and freedoms of the individual (citizen of the individual, the individual) and the creation of appropriate conditions consistent implementation of the tasks of legal proceedings, but also a mechanism for ensuring the constitutional rights and freedoms, and civil society to ensure their safeguarding bodies of public administration based on the rule of law, leading to constitution of Russia. **Keywords:** demokuriya, mechanism of ensuring rights and freedoms, professional legal assistance, legal protection, constitutionalization, Russia.

тутов, неэффективность государственной власти, коллизии между федеральным законодательством и законодательством субъектов, формализм конституционных предписаний как выражение кризиса конституционного строя способны оказать деструктивное влияние на функционирование всех отношений в стране. Жесткая централизация отношений между Федерацией и субъектами, лишение права

народов на самоопределение, суверенизация регионов и рост национального экстремизма способны привести к нарушению прав и свобод человека, подорвать обеспечение принципов конституционного строя, обнажить его фиктивность, скрывающуюся за формализмом права, проявляющимся в первую очередь в процессе его применения в отношении слабого обеспечения конституционных прав и свобод.

Полагаем, что решить большую часть из обозначенных проблем возможно с помощью смоделированного и сконституированного автором конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека [1] и гражданского общества, в итоге призванного обеспечить реализацию конституционализма в России.

Краеугольную основу всей отечественной правовой системы составляет Конституция РФ 1993 г., в содержании которой заложена принципиально новая, сопрягающаяся с ценностями современной цивилизации парадигма, согласно которой человек, его права и свободы признаются высшей ценностью и, следовательно, обязанностью государства является реализация гарантий по их признанию, соблюдению и защите. Одним из критериев фактической реализации демократического и правового потенциала Конституции РФ в разрешении актуальных проблем онтологии, познания, обеспечения охраны и защиты всех элементов правового положения человека является практика Конституционного Суда РФ, как органа судебной власти, способного формализованный закон превратить в конституирование гармоничного интегрирования взаимоотношений государства, человека и общества, способствуя созданию конституционного государства.

Произошедшие коренные преобразования в политической и экономической системе страны повлекли за собой глобальные изменения во всех сферах жизни, создав принципиально новую правовую ситуацию, требующую коренного пересмотра и систематизации

не только принципов конституционного права, но и конституционных принципов [2, с. 375], выделив из них принципы-гарантии, как организационно-законодательные основы деятельности всех субъектов, призванных обеспечивать гарантированные Конституцией РФ права и свободы при помощи эффективной деятельности основанного на профессионально-правовом общественном надзоре особых институтов гражданского общества (демокурии [3]) конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод не только человека, но всего гражданского общества (далее КПМО).

Сконституированный, рассматриваемый как конституционная модель, конституционный идеал существования гармоничных взаимоотношений государства, человека и общества, состоящий из пяти основных элементов КПМО (1. объекты защиты — конституционные права и свободы человека и гражданского общества; 2. субъекты защиты: государственные органы, государственно-общественные органы, общественные правозащитные объединения и организации, в том числе институт адвокатуры; 3. человек; 4. основания защиты — международные нормы по правам человека и закрепленные в источниках отрасли конституционного права; 5. базовые принципы-гарантии Конституции РФ, 6. способы и методы, в том числе демократия), определяется нами как система правовых способов, методов и средств воздействия на общественные отношения, базирующаяся на конституционных принципах-гарантиях, обеспечивающих соблюдение конституцион-

ных прав и свобод всеми субъектами государства и общества, объединенными единой кросс-культурной [4, с. 10] целью в понимании истины как признания высшей ценностью человека, его прав и свобод и неизбежности такого обеспечения при признании верховенства права в правоприменении и законотворчестве. Неизбежность обеспечения конституционно гарантированных прав и свобод подразумевает эффективную деятельность по их охране, защите, а главное — восстановлению, путем кросс-культурного взаимодействия государственных органов, наделенных властными функциями контроля и институтов гражданского общества, обладающих особыми качествами, позволяющими эффективно реализовать функцию профессионально-правовой демократии за обеспечением системой публичной власти (всеми тремя ветвями власти всех уровней на всей территории России) конституционных прав и свобод человека и самого гражданского общества.

Сутью КПМО является обеспечение реализации высшего системного принципа-гарантии [5] и одновременно предназначения государства — заботы о человеке, его конституционных правах и свободах, интегрального кросс-культурного взаимодействия институтов, организаций и органов государства и общества по реализации конституционных приоритетов, достигаемое через эффективную демократию во всех сферах жизни за обеспечением верховенства права (правовластием — повсеместной властью права в деятельности правоприменителей) и неукоснительным соблюдением конституционных прав и свобод

правоприменителями и законодателями [6, с. 272].

Высшей государственной правоприменительной инстанцией в области обеспечения прав и свобод человека и общества, наделенной полномочиями по проверке законности правоприменения всеми правоприменителями, в том числе судами, нами признается именно Конституционный Суд РФ. Но и его деятельность как субъекта третьей ветви государственной власти требует не просто демократии, а профессионально-правовой демократии, исторически в судебной системе обеспечиваемой адвокатурой и адвокатами. Единственным надлежащим субъектом защиты в Конституционном суде РФ признан адвокат иные юристы без адвокатского статуса не допускаются.

Обеспечение гарантирования прав и свобод человека и гражданского общества возможно лишь при наличии развитой системы конституционно-правовых принципов-гарантий, включающей не только деятельность государственных правоохранительных институтов, но и независимых от государства (экономически и организационно) профессионально-правовых правозащитных институтов гражданского общества. Таким институтом, по нашему мнению, является адвокатура, обладающая законодательно закрепленным триединством статусов [7, с. 130]. Это концептуальное положение отличается от мнения некоторых ученых проводящих государственные исследования, полагающих, что государство (его органы) выступает единственным гарантом защиты прав и свобод личности [8, с. 226].

На сегодняшний день в обществе нет института, который мог бы эффективно контролировать реальное обеспечение конституционных прав и свобод органами системы публичной власти, в том числе судебной. Институты гражданского общества не наделены властными полномочиями. Государственные органы не подчиняются обществу, но обязаны подчиняться закону. Общество не может уполномочить какую-либо отдельную организацию контролировать правоприменительную деятельность власти, но может делегировать это право своему институту, способному осуществлять профессионально-правовую демокрию за обеспечением конституционных прав и свобод человека в силу того, что его члены знают право не хуже правоприменителей, наделенных властными полномочиями по обеспечению конституционных прав и свобод.

Наличие конституционно-правовых основ в деятельности адвокатура обязывает ее реагировать на деяния власти и общества, активизируя его деятельность по обеспечению конституционных прав и свобод человека и общества. Именно «активность» (наполненная содержанием, волей к чему-то) есть сущностный признак гражданского общества. Положительный результат от такой активности, может достигаться лишь при наличии профессионализма в сфере защиты конституционных прав у членов данного общества, способных быть равными в знании права с государственными чиновниками, призванными исполнять законы, не нарушая конституционные права, презюмируя их как основную ценность. Только в этом случае субъекты КПО

правоносители и правоприменители будут уравниены знанием права. Все их действия по обеспечению конституционных прав и свобод человека и общества должны базироваться на конституционных принципах-гарантиях, определяющих основное предназначение государства и служащих истинному развитию гражданского общества, способствующих обеспечению неизбежности реализации гарантированных государством основополагающих конституционных прав и свобод каждого человека и самого гражданского общества. Признание основных конституционно-правовых гарантий, конституционно-правовыми принципами-гарантиями, сделает их реализацию неизбежной в правоприменении всеми наделенными государственной властью правоприменителями при наличии правовых коллизий любого уровня.

Определение конституционализма, даваемое современными учеными весьма разнообразно и многопланово. В. И. Крусс пришел к выводу о возможном интерпретировании конституционализм как современной (пост-современной) философии права. «Глобальная «экспансия» конституционной государственности в цивилизованном аспекте, — пишет он, — ее гуманитарные, пацифистские, культурные достижения и главным образом их очевидный потенциал (равно как и важнейший потенциал содействия экономическому и духовному возрождению человечества) дают конституционализму весомые основания говорить о самых фундаментальных вопросах бытия голосом времени и на языке общечеловеческих смыслов и ценностей» [9]. По его

мнению, конституционализм может рассматриваться в качестве направления политико-правового видения социального должного, имеющего, однако, более отчетливые по сравнению с философией права «пограничные ориентиры» [10]. Р. А. Ромашов определяет конституционализм как специфическое политико-правовое явление, включающее в качестве структурных элементов идейную доктрину, действующее законодательство и юридическую практику [11, с. 96]. В. А. Лихобабин и А. Г. Пархоменко рассматривают конституционализм как движение к правовому конституционному государству, в котором «конституция закрепляет основные принципы демократического конституционного строя: народовластие; верховенство права в жизни общества; связанность государства в своей деятельности правовыми законами; незыблемость прав и свобод личности; разделение властей; государственный суверенитет; федерализм; политический плюрализм; многообразие форм экономической деятельности; светский характер государства; самостоятельность местного самоуправления» [12, с. 17].

По мнению И. А. Кравца, гносеологические основы российского конституционализма составляют три теоретико-методологических уровня исследования. Первый уровень — формирование понятия российского конституционализма на основе интегративного сочетания философских, правовых, политических идей и постулатов. Второй уровень — установление каузальных взаимосвязей между развитием конституционных идей и позитивным правом. Третий уровень — выявление про-

блемных вопросов соотношения юридической основы российского конституционализма и практики реализации конституционных норм [13, с. 46]. В. Т. Кабышев обращает внимание на идеологический, мировоззренческий, ценностно-ориентирующий характер категории конституционализма [14].

Исходя из приведенных определений, представляется возможным рассматривать сконституированный автором КПМО, как конституционно-правовой механизм обеспечения Российского конституционализма.

Дополнительным обоснованием для данного вывода служит история происхождения термина «конституционализм», обязанного своим рождением американской политико-правовой мысли. Основатели Конституции США 1787 г. обозначали им верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами [15, с. 370]. В российской правовой литературе термин «конституционализм» не получил широкого использования. В дореволюционной литературе ему предпочитали такое понятие, как «конституционное государство». В советский период этот термин длительное время связывали лишь с зарубежными странами. И только в постсоветский период термин «конституционализм» стал использоваться достаточно широко. Как правило, он применяется для характеристики демократизма общественного строя различных государств. В российской правовой литературе не было выработано единое понятие конституционализма. Так, авторы монографии «История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв.» рассматри-

вали конституционализм как теоретическую доктрину, идейно-политическое движение и государственно-правовую практику. «Конституционализм, — писали они, — означает прежде всего сам факт наличия конституции и ее активного влияния на политическую жизнь страны, верховенство и определяющую роль конституции (писаной или неписаной) как основного закона в системе действующего законодательства, опосредованность политических отношений конституционно-правовыми нормами, конституционную регламентацию государственного строя и политического режима, конституционное признание прав и свобод личности, правового характера взаимоотношений гражданина и государства [16, с. 3–4].

В другой книге, посвященной теории и практике буржуазного конституционализма XIX в., авторский коллектив исходил из понимания конституционализма уже не как доктрины, а как теоретического знания, признавая его вновь идейно-политическим движением и государственно-правовой практикой, а также специфическим способом устройства и осуществления политической власти определенного класса (классов), включающим в себя правовую регламентацию полномочий и деятельности государственного аппарата» [17, с. 3]. Таким образом, из анализа исторического определения конституционализма, можно сделать вывод о том, что все, что связано с государственным строем, политическим режимом, конституционной защитой прав и свобод личности в ее взаимоотношениях с государством, включая правовую регламентацию полномочий и

деятельности всей системы публичной власти, можно отнести к объектам исследования проблем современного конституционализма. Предметом авторского исследования и одновременно объектом исследования одной из проблем современного конституционализма, является обеспечение конституционных прав и свобод человека и общества путем профессионально-правовой демократии отдельных институтов общества. «Конституирование» представляется возможным определить как правовое оформление конституционализма в его идеальной модели для скорейшей реализации в повседневную жизнь. Следовательно, деятельность по разработке автором модели КПМО можно назвать «конституированием КПМО конституционализма».

Обеспечить эффективную демократическую деятельность отдельных институтов гражданского общества может только правовое государство, заинтересованное в развитии гражданского общества через обеспечение реального конституционного гарантирования защиты прав и свобод человека. Для дачи авторского определения «правового государства», построение которого провозглашено в отсутствие однозначного определения самого понятия, несмотря на то, что именно оно признается идеальной моделью государства и может считаться конституционным, выделим его основополагающий критерий.

Все конституционные принципы (непосредственно закрепленные в Конституции) являются одновременно конституционными гарантиями, являющимися цементирующим элементом сконституированного КПМО.

Выдержавшее испытание временем утверждение председателя особого совещания по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание в мае 1917 года в состав которого вошли специалисты по государственному праву В. М. Гессен, С. А. Котляревский и др., позволяет ввести новое определение, отражающее действительность, обозначив новым термином «принципы-гарантии» старое явление, наполнив его новым значением, превратив в парадигму и презумпцию правоприменения.

Принципы-гарантии определяются нами не только как гарантированные конституционные принципы, прямо закрепленные в Конституции РФ, а также как принципы, неизбежно обеспечивающие действие конституционно-правового механизма конституционализма по обеспечению прав и свобод человека и общества, приравняемые через ст. 15 Конституции к принципам международно-правовой защиты прав человека и в России. Международные принципы прав человека рассматриваются нами как основополагающие начала, обеспечивающие единство понятия «права человека» и способствующие единому восприятию прав человека через призму гуманизма, уважения человеческого достоинства, свободы, равноправия, солидарности и справедливости. Общеизвестно к ним относят принципы справедливости, свободы прав человека, нравственного и глобального гуманизма, уважения человеческого достоинства, равноправия, толерантности, солидарности прав человека демократии. Под конституционными принципами прав челове-

ка понимаются закрепленные в Основном законе страны основополагающие начала, постулаты, на которых построена система прав человека, обеспеченных особыми государственными мерами охраны и защиты. К ним чаще всего относят принцип всеобщности и неотчуждаемости прав человека (ч. 2 ст. 17), единство прав, свобод и обязанностей, равенство всех перед законом, гарантированность и защищенность государством указанных в Конституции РФ прав и свобод [18].

Понятие принципа, как и многое другое в современном праве, реципировано из римского законодательства. Так, термин «*principium*», или «принцип», переводится с латинского языка как закон, основа, первоначало.

Древние римляне придавали особое значение понятию принципа, говоря, что «принцип есть важнейшая часть всего (*principium est portissima pars cujunque rei*)». В юридической науке данный термин понимается в смысле руководящих начал, основных положений той или иной отрасли права. Термин «принцип права» в научной литературе упоминается как принципы права, юридические принципы, основополагающие идеи, отправные начала, руководящие положения. В частности, многие исследователи определяют принципы права как основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора [19].

В целом устоявшаяся в юридической науке концепция свидетельствует о том, что под принципами права следует понимать его

основополагающие начала, идеи, исходя из которых право функционирует как единый социальный организм. Указанное понимание рассматриваемой юридической категории можно встретить у большинства исследователей как прошлого, так и настоящего [20, с. 60]. Такой подход нашел отражение и во многих толковых словарях русского языка. В частности, В. И. Даль определяет принцип как научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которого не отступают [21, с. 431]. Полагаем, что все принципы права, независимо от того к какой отрасли права они относятся должны соответствовать конституционным принципам, более того, основываться на них.

Представляется верным мнение Г. Н. Комковой о том, что следует различать принципы конституционного права, относящиеся ко всей отрасли права и конституционные принципы, связанные исключительно с текстом Конституции [22, с. 375]. По мнению И. А. Алебастровой, «под конституционными принципами понимают руководящие идеи, лежащие в основе всего содержания конституции той или иной страны (общие конституционные принципы или принципы конституции) либо в основе содержания ее отдельных институтов и норм (частные или институциональные)» [23]. По своему содержанию принципы конституционного права гораздо шире, чем конституционные принципы.

Многие исследователи давали определения понятия принципов права как основных руководящих положений, определяющих методы осуществления целей процесса. Осно-

вы для понимания понятия принципов права были заложены советской юридической школой, научно доказавшей, что выработка принципов права производится не только из права, но и из жизни, из содержания общественных отношений, а принципы права неизбежно отражают особенности существующего общественного строя [24].

Представляется логичным согласиться с К. С. Юдельсоном, понимавшим под принципами права «теоретические положения, выражающие необходимость определенных способов и форм правового регулирования общественных отношений государством, обусловленных объективными закономерностями общественного развития» [25, с. 32].

Предлагаемая авторская концепция включает и второй, широко применяемый термин «гарантии».

В литературе дискутируется вопрос о том, что должны представлять собой гарантии. Ряд исследователей предлагают воспринимать гарантии как правовые средства, обеспечивающие реализацию прав и исполнение обязанностей. В этом случае гарантии трактуются либо как предоставление судебной защиты прав [26], либо как эффективная правоприменительная деятельность компетентных органов, а также как совершенное законодательство. Некоторые специалисты связывают правовые гарантии с обеспечением законности или гарантиями реализации норм [27]. Другие авторы утверждают, что законность — только часть правовых гарантий реализации прав и исполнения обязанностей [28, с. 160].

Н. И. Матузов, А. В. Мицкевич полагают, что юридической гарантией является деятельность государственных органов и организаций, связанная с охраной прав от незаконных посягательств [29, с. 86]. Другие авторы связывают гарантированность с закономерностями политического строя, состоянием экономической и правовой систем [30].

В широком смысле слова под гарантиями прав и свобод человека и гражданина понимаются средства, при помощи которых обеспечивается реализация этих прав и свобод. Юридическими гарантиями являются все правовые средства обеспечения реализации прав и свобод. Отличием юридических гарантий от фактических гарантий является их внешняя форма выражения (объективация), опосредованная действием норм права.

Среди юридических гарантий прав личности принято различать гарантии реализации и гарантии охраны. К первой группе относят: пределы прав и свобод, их конкретизация в текущем законодательстве; юридические факты, с которыми связывается их обладание и непосредственное пользование; процессуальные формы реализации; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной и инициативной их реализации. Вторую группу юридических гарантий составляют конституционный контроль и надзор; меры защиты и меры ответственности виновных за нарушение прав и свобод личности; процессуальные формы осуществления контроля и надзора; средства предупреждения и профилактики нарушений прав личности и другие правовые средства.

Исходя из конституционного регулирования, полагаем, что не все правовые нормы являются юридическими гарантиями прав и свобод граждан, а лишь те, которые содержат определенные средства и способы, при помощи которых достигается беспрепятственное пользование правами, защита прав и свобод и восстановление их в случае нарушения. Но затронутая проблема требует отдельного исследования и освещается в данной статье фрагментарно, применительно к определению понятийного аппарата конституирования КПМО.

Для претворения конституционализма в реальную жизнь конституционное гарантирование должно стать неизбежным, т. е. обеспеченным эффективным действием интегрирующих субъектов КМО по реализации конституционных гарантий.

В ст. 7 Конституции РФ указано, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Обеспечение достойной жизни в силу ст. 17 Конституции РФ должно реализоваться путем признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина, определяя смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваться правосудием.

Основной термин предлагаемого концептуального КПМО — «обеспечение», сопутствующие «гарантирование», «защита и охрана».

Представляется, что требуется четкая законодательная регламентация данных терминов, позволяющая определить единство видов деятельности, а также классифицировать органы и организации как правозащитные и правоохранительные, устранив нелогичности их определения.

Предлагаемая автором концепция КМО может быть рассмотрена как концепция механизма неизбежности исполнения обязанностей всеми субъектами гарантирования конституционных прав и свобод в процессе их интегрирования и конституцирования конституционализма.

Все отмеченное вдающимся ученым нашего времени абсолютно верно, но представляется, что конституционализм он или есть, или его нет.

Доктрина конституционализма это и есть конституирование конституционализма. Практически вся Конституция посвящена конституированию конституционализма. Проблема кроется в том, чтобы превратить конституирование конституционализма в реально существующий конституционный строй.

Полагаем, что для этого требуется жесткий профессионально-правовой общественный контроль со стороны гражданского общества за функционированием власти.

Ранее нами отмечалось, что одной из важнейших научных проблем, порождающей сложности в определении КПМО, является отсутствие единой концепции гражданского обществ. Из определений гражданского общества, данных О. Е. Кутафиным и К. Е. Дубасовым выделим два сущностных критерия

общественных институтов, образующих его: самостоятельность и независимость, как экономическая, так и организационная. Кроме того, отметим, что не все общественные объединения, обеспечивающие условия для реализации частных интересов и коллективов могут быть признаны институтами гражданского общества, а только выполняющие значимые функции для всех членов общества.

Подтвердим нашу позицию с помощью утверждения С. А. Авакьяна о том, что «гражданское общество образуют общественные объединения, являющиеся определяющими компонентами характеристики этого общества» [31, с. 16].

Основопологающим условием для реализации адвокатурой функции профессионально-правовой демократии за обеспечением конституционных прав и свобод государственными органами всех ветвей власти является коренное отличие институциональной адвокатуры от других институтов гражданского общества, обусловленное наличием не только экономической и организационной самостоятельности и независимости от государства, но и особого правозащитного статуса как сообщества адвокатов, обладающих профессиональным знанием права, подтвержденным квалификацией, присвоенной по результатам сдачи экзамена квалификационной комиссии, членами которой являются и представители государственных органов власти, а также сферой ее деятельности, охватывающей не только все слои населения, но и всю территорию страны.

Полагаем, что основополагающей в требу-

емом определении сегодняшней адвокатуры является суть этого феноменального явления современной действительности, отсутствующая в большинстве определений, данных различными авторами, в том числе законном, позволяющая выделить особые функции адвокатуры как института гражданского общества, а не только их проекцию от адвокатской деятельности адвоката. Адвокатура как организация не оказывает квалифицированную юридическую помощь ни гражданам, ни организациям, ни обществу, следовательно, не занимается адвокатской деятельностью, указанной в ст. 1 закона об адвокатуре. Она как корпорация создает адвокатам условия для ее эффективного оказания всем и каждому (ст. 48 Конституции), обеспечивая реализацию гарантированного государством права, выполняя организационную деятельность. Адвокат не должен, да и не может реально сохранять баланс между общественными и государственными интересами и интересами отдельных граждан, не обязана это делать и адвокатура как корпорация, имеющая узкий круг задач, в отличие от институциональной адвокатуры.

Современное статусное состояние российской адвокатуры определяется нами как «триединство статусов»: 1) профессии адвокат; 2) сообщества адвокатов; 3) института гражданского общества».

Сравнительный анализ трех статусов адвокатуры позволяет прийти к выводу о том, что субъектом адвокатской деятельности является лишь адвокат, а адвокатура, в ее организационном двуединстве [32], осуществляет

правозащитную деятельность, разграничиваемую по объектам защиты и функциям: для корпорации объект — адвокаты, для института — общество.

Проблема, требующая разрешения, кроется в том, что к сожалению, функции правозащитной деятельности адвокатуры как института гражданского общества не нашли отражение в законе об адвокатуре и до сих пор не определены самим адвокатским сообществом.

Адвокатура в лице адвокатов на протяжении десятилетий призвана осуществлять надзор за отправлением правосудия как представитель гражданского общества в процессе реализации древнейшего принципа состоятельности (ст. 123 Конституции РФ). Произошедшие коренные преобразования в политической и экономической системе страны повлекли за собой глобальные изменения во всех сферах жизни, создав принципиально новую правовую ситуацию, требующую коренного пересмотра организационных принципов и законодательных основ деятельности адвокатуры как одного из важных элементов предлагаемого конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и общества.

Комплексный исторический анализ развития адвокатуры позволяет классифицировать правозащитную деятельность адвокатуры, исходя из видов, целей и задач, функций, субъектов и объектов данной деятельности. Правозащитная деятельность адвокатуры как института по защите прав и интересов общества, всех его членов в публичных отноше-

ях с государственными органами обеспечиваются интересы не самой корпорации, а общества и государства. Субъектов этой деятельности можно подразделить на представителей (Советы ФАП и АП субъекта РФ) и исполнителей (адвокаты). Содержание этой деятельности — эффективная профессионально-правовая институциональная демократия за обеспечением государством (в первую очередь судебной властью) прав гражданского общества в целом. Цель — отсутствие нарушений конституционных прав и свобод человека, решение коллизий всех уровней на основе конституционных принципов-гарантий, соответствующих международным принципам прав человека.

Доктрина, рассматривающая адвокатуру как защитника гражданского общества, его особого института, способного обеспечивать гарантирование эффективной реализации органами системы публичной власти конституционных прав и свобод, надзирающая за ней — принципиально новая доктрина, вызванная современной ситуацией в России с нарушением конституционных прав и свобод.

Экономические, социальные и правовые свойства адвокатуры как особого института гражданского общества, а главное принципы ее деятельности, базирующиеся на конституционных принципах-гарантиях, обеспечивающих неизбежность реализации прав и свобод в совокупности образуют базис для ее функционирования в качестве правозащитного института всего общества перед системой публичной власти, конституционно уполномоченного народом осуществлять функцию профессионально-правовой демократии за

обеспечением конституционных прав и свобод человека не только системой судебной власти, но и исполнительной на всех уровнях в административно-публичных конфликтах с участием граждан, а так же законодательной, принимая активное участие по подготовке законопроектов, касающихся конституционных прав и свобод.

Примечания

1. Термин «человек» используется как обобщающее понятие, подразумевающее «гражданин, индивид, личность».

2. См.: Комкова Г. Н. Принципы Конституционного права России. Принципы Российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010.

3. Демократия — профессионально-правовой общественный надзор, от лат. *curia* — надзор и *demos* — народ.

4. Мацумото Д. Психология и культура. СПб: Питер, 2002.

5. Принцип-гарантия не только гарантированный конституционный принцип, не только принцип конституции, а принцип, неизбежно обеспечивающий действие конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданского общества на базе ст. 15 Конституции в соответствии с механизмами международно-правовой защиты прав человека и в России.

6. Либанова С. Э. Глава 7 параграф 2 «Власть права, реализуемая путем общественного профессионального надзора над властью чиновников в механизме обеспечения конституционных прав» в Международной коллективной монографии «2000–2010 годы: эволюция и генезис структуры социально-политических отношений в России и за рубежом». В 3-х частях / под общей редакцией Д. П. Пискарева и И. Е. Пискаревой. Москва, 2010. Т. 1.
7. Либанова С. Э. Конституционно-правовые основы деятельности адвокатуры в обеспечении прав и свобод человека в Российской Федерации: монография. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2010.
8. Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России. М.: Издательство Московского университета, 2005.
9. См.: Крусс В. Конституционализм и философия права: к познанию проблемы // Право и жизнь. 1998. N 15. С. 18.
10. См.: Крусс В. Конституционализм и философия права: к познанию проблемы // Право и жизнь. 1998. N 15. С. 13.
11. См.: Ромашов Р. А. Современный конституционализм: вопросы истории и теории. СПб., 1998.
12. Лихобабин В. А., Пархоменко А. Г. Российский конституционализм. История. Современность. Перспективы. М., 2000.
13. Краевец И. А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004.
14. См.: Кабышев В. Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. N 4. С. 63.
15. См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1994.
16. См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. М., 1983.
17. История буржуазного конституционализма XIX в. М., 1986.
18. См. например: Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юристъ, 2003.
19. См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004.
20. См.: Чернобель Г. Т. Законотворчество и юридическая наука. Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое и учебное пособие / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000.
21. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 3.
22. См.: Комкова Г. Н. Принципы Конституционного права России. Принципы Российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010.
23. Алебестрова И. А. Конституционные принципы: проблемы юридической природы и эффективности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2007. N 7. С. 6.
24. См.: Щеглов В. Н. Принципы искового про-

изводства // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976. С. 32; Гуреев П. П. Судебное разбирательство гражданских дел. М., 1958.

25. Юдельсон К. С. Советское гражданское процессуальное право. М., 1965.

26. См.: Farran C. O. Atlantic democracy. Edinburgh, 1957. Pp. 183–185.

27. См.: Керимов Л. А. Обеспечение законности в СССР. М., 1956; Самощенко И. С. Охрана режима законности советским государством. М., 1960; Правовые гарантии законности в СССР / под ред. М. С. Строговича. М., 1962.

28. См.: Максименко С. Т. Осуществление гражданских прав и обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970.

29. См.: Матузов Н. И. Субъективные права граждан в СССР. Саратов, 1966. С. 130; Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962.

30. См.: Максименко С. Т. Указ. соч. С. 133; Мицкевич А. В. О гарантиях прав и свобод советских граждан // Советское государство и право. 1963. N 8. С. 25.

31. Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в РФ конституционно-правовые основы. М., 1996.

32. Термин «двуединство» применяется здесь в отношении статусов адвокатуры как организации и института в контексте правозащитной деятельности, отличной от адвокатской деятельности, единственный субъект которой — адвокат.